

Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора*

Среди древнерусских надписей, сохранившихся на стенах Новгородского Софийского собора и опубликованных в 1978 г. А. А. Медынцевой,¹ 17 находятся на стенах и столбах Мартирьевской паперти. Из них 7 надписей процарапаны по цемяночной штукатурке и датируются по палеографическим и архитектурно-строительным признакам второй половиной XI—первой половиной XII в. Эти надписи располагаются в основном на западной стене паперти. К ним принадлежит и одна из 10 глаголических надписей, обнаруженных в Софийском соборе (№ 6), — фрагмент цитаты из 50-го псалма.² 10 надписей в паперти процарапаны по фресковой живописи и датируются в целом более поздним временем — второй половиной XII—первой половиной XIII в. Кроме того, на стенах Мартирьевской паперти сохранилось большое количество разнообразных изображений крестов. Можно выделить две компактные группы этих изображений — на западной стене и на пилястре под фреской свв. Константина и Елены. Все эти кресты процарапаны по цемяночной обмазке и датируются, как и надписи на этой поверхности, второй половиной XI—первой половиной XII в. Наиболее многочисленны кресты под фреской. Думается, это не случайно. Как показала М. Б. Плюханова,³ цикл крестовоздвиженских текстов, сохранившихся в памятниках новгородского происхождения и отразивших южнославянскую литературную традицию, свидетельствует об особом внимании новгородских книжников, в отличие от книжников Южной Руси, к константино-еленинскому культу. Соединение мотива Креста Константина и культа Софии Премудрости Божией, столь важное для Новгорода,⁴ находит свое

* Выражаю глубокую признательность руководителю Новгородской архитектурно-археологической экспедиции Владимиру Валентиновичу Седову (Москва) за предоставленную мне возможность эпиграфического обследования Мартирьевской паперти, а также благодарю И. Ю. Анкудинова (Новгород) за содействие в изготовлении публикуемых прорисей надписей

¹ Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978

² Там же С. 27—28, № 6, с. 106—108, № 162, 163, 164, 165, 166, 167 (вторая половина XI—первая половина XII в.), с. 145—153, № 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210 (вторая половина XII—первая половина XIII в.) Под знаком № в статье указаны надписи по изданию А. А. Медынцевой

³ Плюханова М. Б. Церковное предание о Константине, Елене и о Воздвижении креста в церковной жизни и в словесности древнего Новгорода // *Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli slavisti* (Сracovia 26 Agosto—3 Settembre 1998) Napoli, 1998 P. 61—86

⁴ Там же С. 76—79 «Крест и церковь Софии Премудрости < > являются для новгородцев как две мистические силы, во взаимодействии своем способствующие земному общественному благоустроению» (С. 79)

конкретное изобразительное воплощение в многочисленных рисунках крестов в Мартирьевской паперти, освященной свв. образами Константина и Елены.

В ходе исследований Новгородской архитектурно-археологической экспедиции в Мартирьевской паперти Софийского собора, проводившихся в 1999—2000 гг. под руководством Вл. В. Седова, стали доступны для эпиграфического обследования некоторые участки стен и столбов. В 1999 г. мною были уточнены чтения ряда надписей, уже введенных в научный оборот в 1978 г. А. А. Медынцевой, и выявлены на стенах и столбах паперти еще 13 надписей-граффити, по разным причинам не вошедших в монографию А. А. Медынцевой. Часть из них была просто труднодоступна для изучения до проведения архитектурно-археологических работ в паперти.

На восточной пилястре северной стены находится надпись (№ 165), поврежденная выбитым изображением креста, которое прошло посередине строки: орък(...)дъ ѱъ (рис. 1). Над буквами д и ѱ изящной формы

Рис 1

имеются горизонтальные черточки, которые в случае д можно рассматривать как навершие, обычное для этой буквы в граффити и в берестяном письме, а в случае ѱ как титло: ѱалъ (*писал*).⁵ Очевидно, что текст представляет собой традиционную формулу «такой-то писал». А. А. Медынцева, характеризуя эту надпись, отметила, что «имя не читается».⁶ Однако новое обращение к этой надписи показало, что верхняя часть креста «прошла» по букве а, часть остроугольной петли которой видна на фотографии и прорисована в издании А. А. Медынцевой.⁷ Следовательно, имя можно прочесть как Орък(а)дъ. Это достаточно редкая в древнерусском антропонимиконе форма имени Аркадий с восточнославянской огласовкой о начального гласного и вставным ѣ между согласными р и

⁵ Медынцева А. А. Древнерусские надписи С 107, рис 94

⁶ Там же С 107

⁷ Там же Рис 94

к.⁸ Все упоминания имени Аркадий в Новгородской 1 летописи относятся к новгородскому епископу Аркадию.⁹ Как известно, епископ Аркадий был похоронен в 1163 г. в Мартирьевской паперти Софии Новгородской, служившей местом захоронения новгородских князей, владык и посадников: «Въ лѣто 6671. Преставися епископъ новгородскыи Аркадии септября въ 19; положиша ѿ съ честию вѣликою въ притворе святыя Софія».¹⁰

В берестяной грамоте № 672 (стратиграфическая датировка — 50—90-е гг. XII в.) также упоминается некий Оркадъ, а имя написано в той же форме, что и в надписи из Мартирьевской паперти, но с различиями в орфографии: в грамоте отсутствует ъ между р и к, на конце слова не ъ, как в надписи, а ь.¹¹ Эти различия можно объяснить индивидуальными особенностями каждого из авторов этих текстов. Такие орфографические варианты возможны в том временном отрезке, которым датируются и грамота, и, по палеографическим показаниям, надпись. Имя в берестяной грамоте № 672 помещено в следующий контекст (грамота сохранилась с лакунами, в том числе и в первой строке): «...и оркадъ вьльи бь севь жьнитиса...», т. е.: (кто-то) и Оркадъ велели без него (или: без них) устраивать свадьбу...¹²

По свидетельству А. А. Зализняка, «В. Л. Янин высказал предположение о возможном тождестве упоминаемого здесь Аркадия с новгородским епископом Аркадием (умер в 1163 г.)».¹³ Редкость имени в новгородской антропонимике, его форма (*Оркадъ*), его связь исключительно с епископом Аркадием, хронологические рамки надписи № 165 в Мартирьевской паперти, написанной на столбе в непосредственной близости от места захоронения епископа в 1163 г., — все это позволяет предположить, что данная надпись могла быть автографом самого епископа, а позже, уже после его захоронения, на месте этой надписи кем-то из прихожан был выбит крест. Напомню, что там же, в паперти, но на ее восточной стене, находилась надпись, сохранившаяся лишь в прориси на кальке из архива И. А. Шляпкина, с упоминанием архиепископа: «помози г(оспо)ди помози ар(ъх)непискѣпж отъцѣж нашъмж аминъ», которую А. А. Медынцева связывает с архиепископом Нифонтом и датирует до 1156 г.¹⁴ Эти надписи свидетельствуют о значимости паперти не только как усыпальницы новгородских владык, но и как места молитвы за них.

Новые надписи обнаружены, во-первых, на западной стене паперти (6), во-вторых, на северо-восточной пилястре справа от гробницы архиепископа Мартирия, под изображением свв. Константина и Елены (6). Еще одна надпись (надпись 1, рис. 2) расположена на северо-западной пилястре паперти. Текст начинается на восточной плоскости пилястры и переходит на южную непосредственно над западной стенкой гробницы:

изомопиг
(...) меовсоувар
ѣела

⁸ Ср топонимы Аркажи (село) и Аркажь (Оркажь) монастырь Успения Богородицы в окрестностях Новгорода, образованные от основы Аркад- / Оркад- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов М, Л, 1950 (далее — НПЛ) С 607

⁹ НПЛ С 29—31, 79, 163, 215, 218, 473

¹⁰ НПЛ С 31, Янин В Л Некрополь Новгородского Софийского собора Церковная традиция и историческая критика М 1988 С 57, 70

¹¹ Зализняк А А Древненовгородский диалект М, 1995 С 303—304

¹² Там же С 303

¹³ Там же

¹⁴ Медынцева А А Древнерусские надписи С 112

҃осор (...)

Г(оспод)и, помози рабу своем(у) Алекс(анд)росу(?).

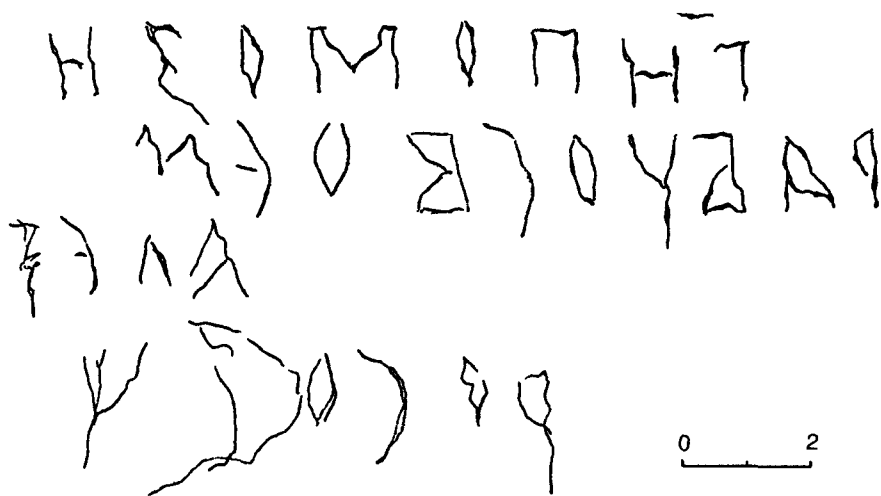

Рис 2

Надпись замечательна не только тем, что написана справа налево, но и тем, что все буквы: з, р, а, в, диграф оу, с, в, е, за исключением равносторонних симметричных о, и, м, написаны «зеркально».

По содержанию это стандартная молитвенная формула. По палеографическим данным надпись датируется первой половиной XIII в. Примечательно, что имя *Александр* (?) представлено в надписи не только в книжной (с начальным *А*), но и в «гречизированной» форме: использованы буква *ѡ* и греческая основа имени на *-ос*, к которой присоединено славянское окончание *Dativa* — *оу*. Подобная адаптация греческих имен известна в нескольких надписях-граффити из Софийского собора в Киеве.¹⁵ Что касается «зеркальных» букв, то они встречаются в надписях на стенах некоторых древнерусских храмов.¹⁶ Так, в новгородских церкви Спаса на Нередице и в церкви Феодора Стратилата на Ручью есть зеркальные изображения букв *а*, *в* в составе надписей XIII—XV вв., а также неоднократно — изолированное декоративное изображение буквы *Б*, развернутое справа налево и в крупном масштабе.¹⁷ По-видимому, такая форма буквы *Б*, с которой начинаются слова *Бог* и *Богородица*, придавала ей дополнительный сакральный оттенок.

¹⁵ Высоцкий С А Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI—XVII вв.) Киев, 1976 № 67, 159, 160, 219 (формы от основы *Онуфриос*), 218 (*Олександрос*, им п)

¹⁶ Зеркальная форма *ц*, употреблявшаяся в памятниках XI—XV вв не книжной письменности (в берестяных грамотах и эпиграфике), является характерной чертой бытовой графики. Здесь эти случаи мы специально не рассматриваем

¹⁷ Рождественская Г В Рисунки-граффити на стенах древнерусских храмов // Рисунки писателей Сб науч статей СПб, 2000 С 405—408 (рис 1, 2, 3)

Зеркальные изображения букв встречаются и в берестяных грамотах,¹⁸ а грамота № 674, датирующаяся второй половиной XII—началом XIII в и представляющая собой фрагмент 4-го стиха 54-го псалма, написана не только с использованием «зеркальных» форм, но, как и в случае с надписью 1, — справа налево.¹⁹ Издатели отмечают, что «грамота написана на очень тонкой бересте и свернута была в тугую трубочку, что придает ей вид амулета <...> Не исключено, что это именно амулет (оберег), зеркальное написание канонического текста в котором превращает такой текст в заклинание».²⁰ Известны случаи зеркальных и «обратных» написаний и в древнеславянской эпиграфике. Так, на двусторонней металлической пластине-амулете X в. из Восточной Болгарии текст, обрамленный изображениями двух крестов (*крѣсть подрѣзи сѧ христос распѧ сѧ христос въскрѣсе и чловѣкъ прости сѧ*), хотя и расположен в целом слева направо, но буквы внутри слогов читаются в обратном порядке.²¹ Автор надписи 1 с именем *Александр* на столбе Мартирьевской паперти также использовал графические приемы сакрализации текста, более того, он начал писать на одной стороне столба, а продолжил на другой таким образом, что части текста оказались расположены под прямым углом друг к другу.

Представляется не случайным и само местонахождение надписи — она располагается не только в непосредственной близости от гробниц новгородских владык, но и на том же столбе, что и опубликованные А. А. Медынцевой надписи № 203 и № 206.²² Обе эти надписи по палеографическим и лингвистическим данным датируются концом XII—началом XIII в. и связаны с погребальным обрядом, одна (206) — с христианским, другая (203) — с языческим.²³ Ко второй половине XII в. относятся и берестяная грамота № 734 с текстом заговора против болезни с трижды повторенным именем ангела Сихаила,²⁴ и берестяная грамота № 715 XIII в. с заговором-молитвой против лихорадки, которая, по предположению А. А. Зализняка, «вероятно, использовалась в качестве амулета (так наз. науза)».²⁵

Комплекс этих находок, включая и надпись 1 из Мартирьевской паперти, свидетельствует об устойчивости языческих переживаний в христианской культуре средневекового Новгорода второй половины XII—первой половины XIII в. и о применении элементов языческой магии к христианскому тексту, что характерно для средневековой народной культуры в целом.²⁶

¹⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.) // Палеография берестяных грамот и их внеэпиграфическое датирование М., 2000 Т. 10 С. 152—153, 190, 212

¹⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.) М., 1993 С. 61—62, Зализняк А. А. Древненовгородский диалект С. 378—379

²⁰ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.) С. 62

²¹ Popkonstantinov Kazimir, Kronsteiner Otto Старобългарски надписи 1 Altbulgarische Inschriften // Die Slawischen Sprachen Wien, 1994 Bd 36 S. 140—142

²² Медынцева А. А. Древнерусские надписи С. 148—149, рис. 126, с. 150, рис. 125

²³ Рождественская Т. В. Эпиграфические памятники Древней Руси XI—XV вв. (Проблемы лингвистического источниковедения) СПб. 1994 С. 17—18, 24—25

²⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект С. 293

²⁵ Там же С. 428

²⁶ Среди записей писцов в рукописях XIV в. есть несколько, написанных зеркально и справа налево. По содержанию это записи бытового характера, а также названия начальных букв греческого алфавита Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переписчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков М., 2000 № 253, 254 259

ГН ПОМОЗН СВА (В) ВУКЛН КЛМАТОУ СВА
 ГРШННИКЪ ЗРАВЪ

Рис 3

Надпись 2 (рис. 3) расположена на северо-восточной пилястре справа от надписи № 167 (по нумерации А. А. Медынцевой):

гн помози раб(...) сво(...)оу климату а сва...

грѣшникъ рабъ...

Г(осподи), помози рабу своему Климату, а Сва(...) грешник, раб...

Надпись выполнена в две строки, крупными, несколько вытянутыми буквами. Над двумя начальными буквам *гн* — горизонтальное титло. Концы строк не сохранились, однако по смыслу можно предположить, что последнее слово первой строки, начинающееся с *сва...*, скорее всего, — имя собственное, а во второй строке после слова *рабъ* следовало *Б(о)жи писалъ* (Божий писал). По палеографическим показаниям надпись может быть датирована второй половиной XII в., на это указывают начинающие «набухать» петли букв *ъ* и *ѣ*, а также орфография — *ъ* в суффиксе в слове *грѣшникъ*.

Имя *Климат* с характерным для новгородских антропонимов гипокористическим суффиксом *-лт* в надписи имеет флексию дат. пад. — *оу*, свойственную именам мужского морфологического рода, тогда как в подавляющем большинстве случаев, по данным берестяных грамот, мужские имена на *-лта* изменялись по женскому морфологическому роду.²⁷ Начало второго имени *Сва* могло принадлежать имени *Сватонѣгъ* / *Сватонѣгъ*. Вариант этого имени с *а* в первой части вместо *л* встретился в надписи Софийского собора конца XI—начала XII в.²⁸ В концевке надписи не совсем обычно употребление имени существительного *грешник* вместо традиционной формы *грешный* в надписях такого рода.

Надпись 3 (рис. 4) процарапана в три строки очень мелким почерком на той же плоскости пилястры:

ГН ПОМА
 БОУ
 ГРВУН

0 2

Рис 4

²⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект С 188—193 См надпись № 177 «гн помози рабъ своему Климатъ» в той же Мартирьевской паперти А. А. Медынцева датирует ее на основании наличия *ж* в пределах XI—XII вв. Медынцева А. А. Древнерусские надписи С 112 Надпись сохранилась только в прориси на кальке, поэтому ее более точная датировка затруднена

²⁸ Медынцева А. А. Древнерусские надписи С 85, № 104 Надпись была опубликована В. Н. Щепкиным, но ее местонахождение неизвестно

ги помо...

боу св...

тръчин...

Г(осподи, помо(зи ра)бу св(оему) тръчин(у).

Концы строк повреждены. В середине второй строки прочерчен контур креста, внутри которого процарапан второй крестик. Это изображение было сделано раньше надписи, так как писавший, размещая буквы, его учел. Над буквами ги — горизонтальное титло. Палеографические признаки надписи позволяют отнести ее к середине—второй половине XII в. Здесь интересно имя Торчин, написанное в духе книжной орфографии с ъ после плавного р. Как имя оно известно не только по сообщению «Повести временных лет» под 1015 г. и 1100 г.,²⁹ но и в берестяных грамотах № 225 и № 516, обе датируются второй половиной XII в.³⁰

Надпись 4 (рис. 5) находится там же, где и предыдущие, и состоит из одного слова:

зѹлотъ

Зилоть.

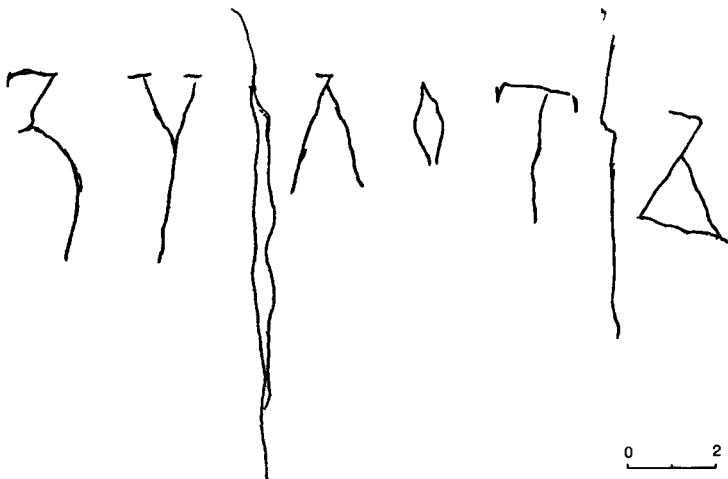

Рис 5

Буквы крупные, вытянутые, их общий облик говорит скорее уже о XIV в. Буква в (ижица) передана через ѹ. Для более точной палеографической датировки данных мало.

Надпись 5 (рис. 6) помещается чуть ниже предыдущей и состоит из одной строки:

благо(...)щение гне

Благо(въ)щение Г(оспод)не.

Палеографические приметы указывают на конец XIV—начало XV в. Слово Г(оспод)не написано под титлом.

²⁹ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент Д С Лихачева, Под ред В П Адриановой-Перетц 2-е изд, испр и доп СПб, 1996 С 60 «Поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезь ножъ, зарѣза Глѣба, акы агня непорочно», с 116 « послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путяту, Володимерь Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина»

³⁰ Зализняк А А Древненовгородский диалект С 315 (от Тороцина), с 305 (у Търъчина)

Рис. 6.

На этой же плоскости читается надпись 6 (рис. 7): *а софия*. Буква *а* заключена в круг — нередкое в эпиграфике написание слова *агия*, *агиос*. Для датировки данных мало, но общий облик букв позволяет датировать эту надпись временем не ранее XIV в.

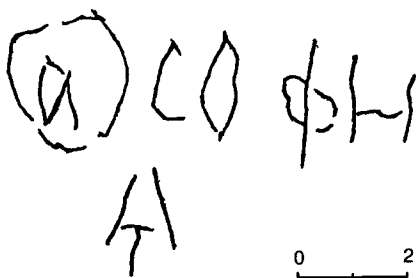

Рис. 7.

Справа от надписи № 167, опубликованной А. А. Мединцевой, читается трехстрочная надпись 7 (рис. 8):

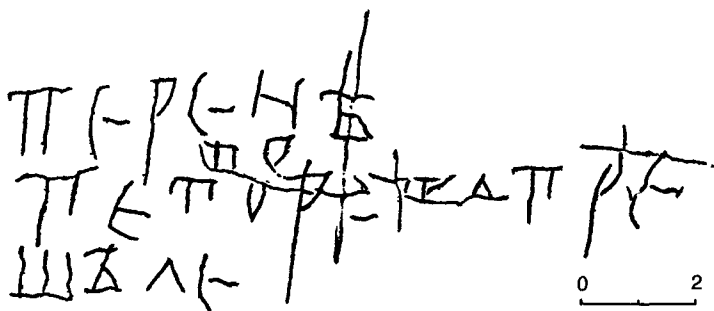

Рис. 8.

перенѣ

ге тор... (в о) гре...

шъле

Перенеге тор... (во) гре(шныи...) шъле...

Из-за значительных повреждений поверхности стены удовлетворительно читаются лишь первое и последнее слова надписи: Перенег... шел. Вторая строка неясна. Отметим сходное написание букв П и Г, отличающееся в случае Г укороченной правой частью. Может быть, последние три буквы строки являются началом слова *грешный* с *е* в корне вместо

ѣ (?). По палеографическим данным надпись может датироваться первой половиной—серединой XII в. Имя *Перенѣгъ* известно по Русской Правде — его носил один из бояр, участвовавших в составлении Правды Ярославичей.³¹ В одной из берестяных грамот, найденных в 1999 г. в Старой Руссе в напластованиях первой половины XII в.,³² также встретилось имя *Перенег*.³³ В надписи 7 — третье упоминание этого имени в источниках. Что касается его структуры, то оно построено по продуктивной модели древненовгородского антропонимикона — двухосновный тип с корнем *нѣг*.³⁴ В надписи нашли отражения «новгородизмы» — окончание -е (*Перенѣге*, *шѣле*), мена *ь* и *ѣ* (*шѣле*).

Большинство новонайденных надписей на западной стене Мартирьевской паперти на уровне человеческого роста от современного пола и чуть выше представляет собой формулы с глаголом *писал*. Все они сохранились фрагментарно.

Надпись 8 (рис. 9): *клима*

т... ѣ

Климат(а) писал.

Рис. 9.

После *т* без труда восстанавливается *а*, выбитая с фрагментом штукатурки. Имя написано через *ѣ*, как и в надписи 2. Формы букв встречаются в надписях и берестяных грамотах XII в.

Надпись 9 (рис. 10): ... *цуди*

ле ѣлѣ

грѣ

шьныи

Цудил (Чудил) писал грешный.

³¹ ПВЛ. С. 560.

³² Торопова Е. В., Кожина Г. Н., Антропова Я. В., Торопов С. Е., Курочкин А. Ю. Археологические исследования в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля. История и археология: (Материалы научной конференции). Новгород, 25—27 января 2000. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 53.

³³ Торопова Е. В. Археологический контекст берестяных грамот № 33—36 из Старой Руссы // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Материалы Международной конференции. Великий Новгород, 24—27 сентября 2001 г. / Под общей ред. акад. В. Л. Янина. М., 2003. С. 175.

³⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 695.

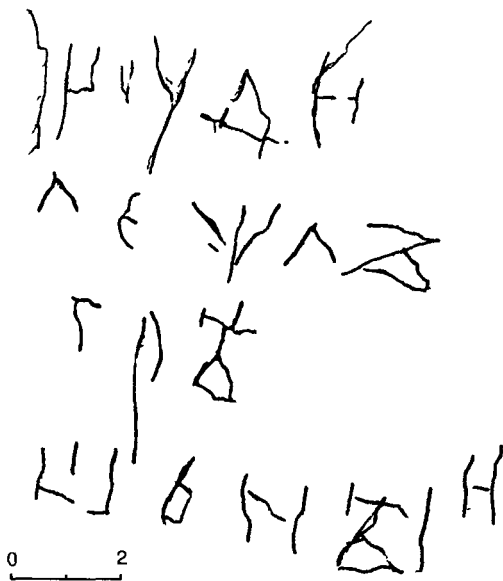

Рис 10

По палеографическим приметам (формы оу, р, ѣ, ѡ, ѣ, ѡ) надпись можно датировать второй половиной XI—первой половиной XII в. Отмечу «зеркальную» форму ц, характерную для памятников новгородской некнижной письменности. В орфографии — конечное -е в имени при книжной форме ѡлѣ с конечным -ѣ, а также отражение «цоканья» (Цудиле). Имя Чудил неизвестно в берестяных грамотах, но в них отмечены формы Чюдинѣ и Чюдка.³⁵ Тип мужских имен на -иль представлен целым рядом имен, в том числе нехристианских (Городиль, Нѣжилѣ, Насиль, Гостиль, Путиль и т. п.).³⁶ В целом орфография соответствует книжным нормам XI—начала XII в.

Надпись 10 (рис. 11): ...илѣѡ ѡс(л)ѣ
(...)илѣѡ писал.

Рис 11

³⁵ Там же С 681

³⁶ Там же С 695

Первое слово — окончание имени, судя по глагольной форме, — мужского. Среди новгородских имен неоднократно зафиксированы формы на -ья как варианты стандартных на -ии: Григорья, Захарья, Прокопья и т. п.³⁷ Слово *ψсаль* с конечным *ь* автор начал писать через *ψ*, но следом написал еще и *с*. Такие варианты встречаются в эпиграфике. Общий облик почерка — в пределах второй половины XII—начала XIII в.

Надпись 11 (рис. 12) состоит из 5 строк, сохранилась с лакунами:

Фом(м)...о

бога...ын

грѣхы

...оук(о)

пѣψ...о

Фомко богатый грехы (р)ук(ою) писал.

В первой строке в имени собственном сохранилась нижняя часть

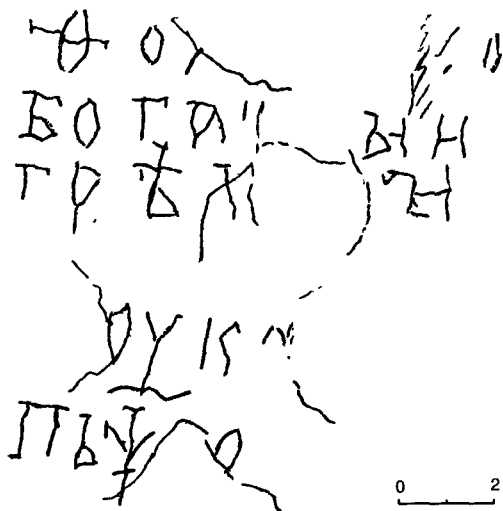

Рис. 12.

3-й буквы, видимо, *м*; от предпоследней — фрагмент правой части, которая, вероятно, является частью *к*. Тогда имя можно прочесть как Фом(ъ?)ко.

Примеры такой модели мужских имен известны по берестяным грамотам: Василько, Слинко, Лунько, Васько и другие, также и от основы на губной *-м*, но без суффиксального *ь*: Семко, Макхимко.³⁸ В третьей строке между буквами *х* и *ы* — *выбонна*, которую писавший учел. Нет оснований предполагать здесь утрату букв, поскольку слово *грѣхы* читается четко. Автор надписи, в отличие от автора надписи 10, глагольную форму начал с букв *пѣ*, но далее вместо закономерной *с* написал *ψ* с титлом над ней, как бы вспомнив книжный графический облик этого слова. При этом употребил характерное для бытовых текстов конечное *-о*. По палеографическим признакам надпись можно датировать тем же временем, что и надпись 10. Текст представляет собой

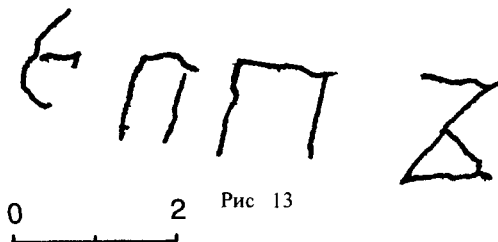
³⁷ Там же. С. 697

³⁸ Там же. С. 694, 695.

часть устойчивой покаянной формулы «богатый грехами, убогий добрыми делами», известной с вариациями в эпиграфике.³⁹ Изящная форма ψ с перекладиной под чашей и с фигурным титлом выдает руку книжного человека.

Надпись 12 (рис. 13) состоит из четырех букв: епнъ, без титла, т. е. еп(иско)лъ. К сожалению, из-за повреждения штукатурки неизвестно, следовало ли далее имя. Данных для палеографической датировки мало, однако начертания всех букв имеют соответствия в граффити и берестяных грамотах XII в.

Надпись 13 (рис. 14) состоит из трех повторяющихся строк:

Г(оспод)и, сп(а)си раба свое(го)...
 Г(оспод)и, с(паси) раба своего...
 Г(оспод)и, сп(а)си раба своего...

Эта надпись сделана одним почерком тонким острым писалом или иглой слева от фрескового изображения. В конце всех трех строк имена полностью не читаются и потому неизвестно, относится ли эта надпись к одному человеку или к трем. Ровность строк сохраняется. Отмечу титла над словом *сп(а)си* и отсутствие его над *г(оспод)и*. Формы букв — с с декоративными утолщениями, р с горизонтальной верхней частью петли, а с наверхием, в с остроугольными петлями — находят аналогии в почерках второй половины XI—начала XII в. Графика несет на себе следы некоторого аристократизма.

Итак, 13 новых надписей, обнаруженных на стенах Мартирьевской паперти, — это молитвенные формулы «Господи помози», автографы «такой-то писал», среди которых, вероятно, и автограф архиепископа Аркадия, название церковного праздника «Благовещение Господне», надпись «летописного» характера с именем Перенег и надпись с именем Торчин. Эти два имени упоминаются уже в древнейших источниках — летописном известии об убийстве Бориса и Глеба в ПВЛ и в Русской Правде.

Среди надписей, опубликованных А. А. Медынцевой, есть надпись, сделанная глаголическим алфавитом (№ 6), есть автограф «мужа добра» Федора Сбыславича, участника неудачного похода новгородцев к Раковору в 1268 г.,⁴⁰ надпись Фарьмана Глебова отрока — дружинника князя

³⁹ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. I. С. 60, № 24 «Михальъ убогын, а грѣхы богатынъ ψлъ...» (у С. А. Высоцкого «грехом»). Ср. также надпись второй половины XI—XII в., находившуюся на хорах Софии Новгородской «се власьъ ψлъ оубогын, а грѣхы богатынъ» Медынцева А. А. Древнерусские надписи. С. 113.

⁴⁰ Медынцева А. А. Древнерусские надписи. С. 151.

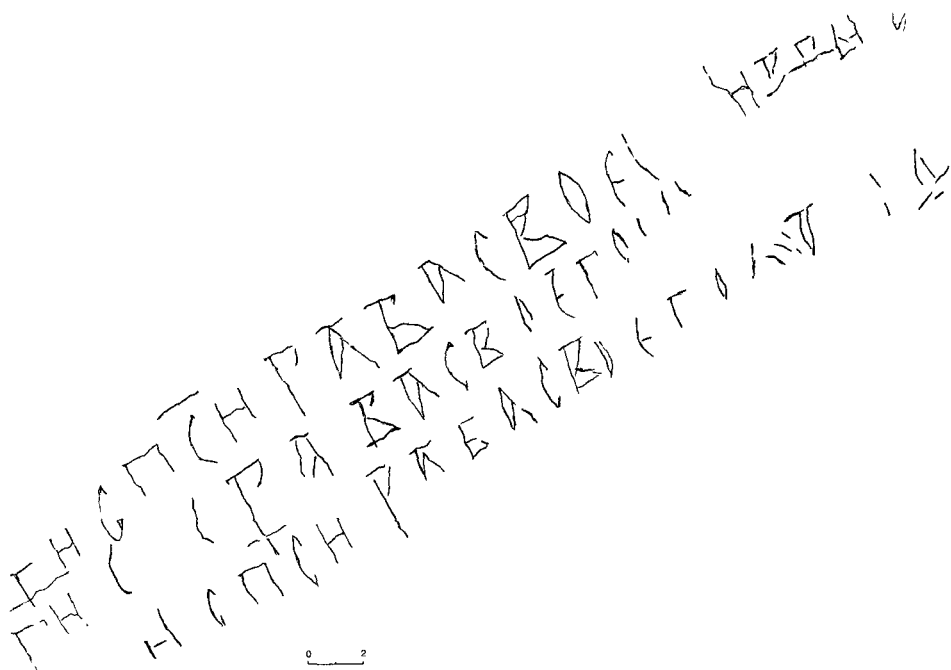

Рис. 14.

Глеба, судя по имени, имевшего скандинавские корни.⁴¹ Особый интерес представляет надпись № 203⁴² с обрядовым погребальным текстом, который был тщательно зачеркнут современником. Эта надпись — одна из самых ранних (конец XII—начало XIII в.) фиксаций устной языческой традиции. В контексте переплетения языческих и христианских элементов в древненовгородской — и шире — древнерусской — культуре следует рассматривать и «зеркальную» надпись 2 с именем *Александра*.

В новонайденных текстах присутствуют графико-орфографические и морфологические особенности, характерные для памятников не книжной письменности Новгорода и отражающие черты древненовгородского диалекта (конечный *-e* в им. пад. мужского рода существительных древнего *-*o* склонения: *Перѣнеге*, *Чудиле* и в глагольной форме на *-л шъле*, представлена и форма с «цоканьем»: *Цудиле*). Вместе с тем авторы некоторых надписей явно ориентировались на книжную норму — как графико-орфографическую, так и языковую. В эпиграфическом материале из Мартирьевской паперти Софийского собора, поиски которого могут быть продолжены, проявились черты новгородской письменной традиции в ее книжном и бытовом вариантах. Мартирьевскую паперть, как и весь Софийский собор, с сохранившимися надписями и рисунками на столбах и стенах можно рассматривать как своеобразный памятник письменности средневекового Новгорода.

⁴¹ Там же. С. 108; Рождественская Т. В. Еще раз о топониме «Поромонь двор» в летописном известии 1015/1016 гг. // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. Сб. статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 208.

⁴² Мединцева А. А. Древнерусские надписи... С. 148—149.